

NOTICE WARNING CONCERNING COPYRIGHT RESTRICTIONS

37 CFR 201.14

The copyright law of the United States (Title 17, United States Code) governs the making of photocopies or other reproductions of copyrighted material. Under certain conditions specified in the law, libraries and archives are authorized to furnish a photocopy or other reproduction. One of these specified conditions is that the photocopy or reproduction is not to be "used for any purpose other than private study, scholarship, or research." If a user makes a request for, or later uses, a photocopy or reproduction for purposes in excess of "fair use", that user may be liable for copyright infringement. This institution reserves the right to refuse to accept a copying order if, in its judgment, fulfillment of the order would involve violation of copyright law.

Первому секретарю ЦК КПСС Никите Сергеевичу Хрущеву.

Дорогой Никита Сергеевич!

В октябре 1960 года я отдал рукопись моего романа "Жизнь и судьба" в редакцию журнала "Знамя". Примерно в то же время познакомился с моим романом редактор журнала "Новый Мир" А.Т.Твардовский.

В середине февраля 1961 года, сотрудники Комитета Государственной Безопасности, предъявив мне ордер на обыск, изъяли оставшиеся у меня дома экземпляры и черновики рукописи "Жизнь и судьба". Одновременно, рукопись была изъята из редакций журналов "Знамя" и "Новый Мир".

Таким образом закончилось мое обращение в многократно печатавшие мои сочинения редакции с предложением рассмотреть десятилетний труд моей писательской жизни.

После изъятия рукописи я обратился в ЦК КПСС к тов.Поликарпову. Д.А. Поликарпов сурово осудил мой труд и рекомендовал мне продумать, осознать ошибочность, вредность моей книги и обратиться с письмом в ЦК.

Прошел год. Я много, неотступно думал о катастрофе, произошедшей в моей писательской жизни, о трагической судьбе моей книги.

Я хочу честно поделиться с Вами своими мыслями. Прежде всего должен сказать следующее: я не пришел к выводу, что в книге моей есть неправда. Я писал в своей книге то, что считал и продолжаю считать правдой, писал лишь то, что продумал, прочувствовал, перестрадал.

Моя книга не есть политическая книга. Я, в меру своих ограниченных сил, говорил в ней о людях, об их горе, радости, заблуждениях, смерти, я писал о любви к людям и о сострадании к людям.

В книге моей есть горькие, тяжелые страницы, обращенные к нашему недавнему прошлому, к событиям войны. Может быть читать эти страницы не легко. Но поверьте мне, — писать их было тоже не легко. Но я не мог не написать их.

Я начал писать книгу до XX съезда партии, еще при жизни Сталина. В эту пору, казалось, не было ни тени надежды на публикацию книги. И все же я писал ее.

Ваш доклад на XX съезде придавал мне уверенности. Ведь мысли писателя, его чувства, его боль есть частица общих мыслей, общей боли, общей правды.

Я предполагал, отдавая рукопись в редакцию, что между автором и редактором возникнут споры, что редактор потребует сокращения некоторых страниц, может быть глав.

Редактор журнала "Знамя" Кожевников, а также руководители Союза Писателей Марков, Сартаков, Шипачев, прочитавшие рукопись, сказали мне, что печатать книгу нельзя, вредно. Но при этом они не обвиняли книгу в неправдивости. Один из товарищей сказал: "все это было или могло быть, подобные изображенным люди также были или могли быть". Другой сказал: "однако напечатать книгу можно будет через 250 лет".

Ваш доклад на XXII съезде с новой силой осветил все тяжелое, ошибочное, что произошло в нашей стране в пору сталинского руководства, еще больше укрепил меня в сознании того, что книга "Жизнь и судьба" не противоречит той правде, которая была сказана Вами, что правда стала достоянием сегодняшнего дня, а не откладывается на 250 лет.

Тем для меня ужасней, что книга моя попрежнему насильственно изъята, отнята у меня. Эта книга ~~мне~~ мне так же дорога, как отцу дороги его честные дети. Отнять у меня книгу, это тоже, что отнять у отца его детище.

Вот уже год, как книга изъята у меня. Вот уже год, как я неоступно думаю о трагической ее судьбе, ишу объяснение произошедшему.

Может объяснение в том, что книга моя субъективна ?

Но ведь отпечаток личного, субъективного имеют все произведения литературы если они не написаны рукой ремесленника. Книга, написанная писателем, не есть прямая иллюстрация к взглядам политических и революционных вождей. Соприкасаясь с этими взглядами, иногда сливаясь с ними, иногда в чем то приходя в противоречие с ними, книга всегда неизбежно выражает внутренний мир писателя, его чувства, близкие ему образы, и не может не быть субъективной. Так всегда было. Литература не эхо, она говорит о жизни и о жизненной драме по своему .

Тургенев во многом выразил любовь русских людей к правде, свободе, добру. Но Тургенев совершенно не был просто иллюстратором идей вождей русской демократии, он выражал по своему, по тургеневски, жизнь русского общества. И так же выражали, переживали добро и зло русской жизни, ее радость, ее горе, ее красоту и страшные уродства Достоевский, Толстой, Чехов. Ведь ни Толстой, ни Чехов не были иллюстраторами взглядов тех, кто возглавлял русскую революционную демократию, они полировали свое зеркало русской жизни и зеркало это бывало отлично от тех, что создавали политические вожди русской революции. Но ни Герцен , ни Чернышевский, ни Плеханов, ни Ленин не ополчались за это на русских писателей, они видели в них союзников, а не врагов.

Я знаю, что книга моя несовершенна, что она не идет ни в какое сравнение с произведениями великих писателей прошлого. Но дело тут не в слабости моего таланта. Дело в праве писать правду, выстраданную и вызревшую на протяжении долгих лет ~~многих~~ жизни.

Почему же на мою книгу, которая может быть в какой то мере отвечает на внутренние запросы советских людей, книгу в которой нет лжи и клеветы, а есть правда, боль, любовь к людям, наложеш запрет, почему она забрана у меня методами административного насилия, упрятана

от меня и от людей, как преступный убийца?

Вот уже год, как я не знаю, — цела ли моя книга, хранится ли она, может быть она уничтожена, сожжена?

Если книга моя ложь, — пусть об этом будет сказано людям, которые хотят ее прочесть. Если моя книга клевета, — пусть будет сказано об этом. Пусть советские люди, советские читатели, для которых я пишу 30 лет, судят, что правда и что ложь в моей книге.

Но читатель лишен возможности судить меня и мой труд тем судом, который страшней любого другого суда — я имею ввиду суд сердца, суд совести. Я хотел и хочу этого суда.

Мало того, когда книга моя была отвергнута в редакции "Знамя", мне было рекомендовано отвечать на вопросы читателей, что работу над рукописью я еще не закончил, что работа эта затянется на долгое время. Иными словами мне было предложено говорить неправду.

Мало того. Когда рукопись моя была изъята, мне предложили дать подписку, что за разглашение факта изъятия рукописи я буду отвечать в уголовном порядке.

Методы которыми все произошедшее с моей книгой хотят оставить втайне не есть методы борьбы с неправдой, с клеветой. Так с ложью не борются. Так борются против правды.

Что ж это такое? Как понять это в свете идей XXII съезда партии?

Дорогой Никита Сергеевич! У нас теперь часто пишут и говорят, что мы возвращаемся к ленинским нормам демократии. В суровую пору гражданской войны, оккупации, хозяйственной разрухи, голода, Ленин создал нормы демократии, которые во все сталинские времена казались фантастически большими.

Вы на XXII съезде партии безоговорочно осудили кровавые беззакония и жестокости, которые были совершены Сталиным. Сила и смелость, с которыми Вы сделали это, дают все основания думать, что нормы нашей демократии будут расти так же, как выросли со времени разрухи,

сопутствовавшей гражданской войне, нормы производства стали, угля, электричества. Ведь в росте демократии и свободы, еще больше, чем в росте производства и потребления, существо нового человеческого общества. Вне непрерывного роста норм свободы и демократии новое общество, мне кажется, немислимым.

Как же понять, что в наше время у писателя производят обыск, отбирают у него книгу, пусть полную несовершенств, но написанную кровью его сердца, написанную во имя правды и любви к людям, и грозят ему тюрьмой если он станет говорить о своем горе.

Я убежден, что самые суровые и непримиримые прокуроры моей книги должны ныне во многом изменить свою точку зрения на нее, должны признать ошибочными ряд кардинальных обвинений, высказанных ими в адрес моей рукописи год-полтора назад - до XXII съезда партии.

Я прошу Вас вернуть свободу моей книге, я прошу, чтобы о моей рукописи говорили и спорили со мной редакторы, а не сотрудники Комитета Государственной Безопасности.

Нет смысла, нет правды в нынешнем положении, - в моей физической свободе, когда книга, которой я отдал свою жизнь, находится в тюрьме, - ведь я ее написал, ведь я не отрекался и не отрекаюсь от нее. Прошло двенадцать лет с тех пор, как я начал работу над этой книгой. Я попрежнему считаю, что написал правду, что писал я ее, любя и жалея людей, веря в людей. Я прошу свободы моей книге.

Глубоко уважающий Вас

И. Грассман

23 12 62

Москва, Беговая I-а, кор. 3I, кв. I тел. Д 3-00-80, доб. I6.

1710 / 17 A. 8-12.